

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКИХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВА РАССЕЛЕНИЯ МОНГОЛОЯЗЫЧНЫХ ПЛЕМЕН В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ И МОНГОЛИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

К настоящему времени еще недостаточно полно решен ряд вопросов, связанных с историей расселения ранних монголов по территории Байкальского региона и Монголии во второй половине I и начале II тысячелетия. Анализ материалов из археологических раскопок ряда погребений в данном регионе (могильники Чиндант I–III, Будуланский, Сэгенутский, на р. Брянка, Санный Мыс, Куркут и иные) дают возможность проследить границы расселения раннемонгольских племен, установить хронологию этого процесса, а также охарактеризовать их главные хозяйственные занятия – скотоводство и охоту.

Ключевые слова: Байкальский регион, Монголия, средние века, ранние монголы, тюркские влияния, археологические памятники, культура, расселение, общественный строй.

На схеме китайской исторической карты времени династии Тан (VII–IX вв. н. э.), опубликованной Н. Я. Бичуриным (Иакинф), показано народонаселение Прибайкалья, Забайкалья и Монголии [Бичурин, 1953. С. 307]. В частности, в Прибайкалье в верховьях рек Ангара и Лена проживали племена гулигань, на восточной материковой части оз. Байкал в районе р. Баргузин расселялись племена баегу, а в Восточном Забайкалье по р. Аргунь обитали племена шивэй. Как установлено Л. Л. Викторовой, шивэйские племена в VI в. не составляли единого целого и отличались как по этническому составу, так и по языку [Викторова, 1958. С. 54–58]. Н. В. Кюннер определил более обширную территорию расселения древних монголов, или шивэй и дада, отмечая, что они расселялись в VII–XI вв. в верхнем и среднем течении р. Амур в горно-таежной зоне между северной оконечностью Яблонового хребта, по обеим сторонам Хингана вплоть до северной оконечности Хэйлуңцзяна, в основном по рекам Онон, Ингода, Аргунь, Шилка [Кюннер, 1961. С. 10]. Археологические памятники позволяют установить предельные границы расселения шивэйских племен на территории Восточного Забайкалья: в VI–VIII вв. это районы среднего и нижнего течения р. Онон, нижнего течения р. Ингода (до г. Читы включительно) и почти всей Аргуни с ее левыми прито-

ками. На этих окраинах шивэйского мира больше, чем где-либо, памятников, различных по характеру культур и этнических групп. Основная же масса шивэйского населения занимала бассейн р. Шилка и ее притоков [Бичурин, 1953. С. 8]. Для нас среди шивэйских племен наибольший интерес представляют шеньмохын-шивэй, получившие свое наименование от названия реки [Там же. С. 216]. Рекой Шеньмохын в древности называлась Шилка [Викторова, 1958. С. 55].

Район расселения шивэйских племен в верховьях Амура по природно-климатическим условиям можно разделить на южное степное и северо-восточное лесное и лесостепное Забайкалье. Жители юга Восточного Забайкалья вели в основном кочевой образ жизни, а жители северных и северо-восточных районов были оседлыми. Оседлая группа шивэйцев занималась комплексным хозяйством, в котором сочетались земледелие и рыболовство, скотоводство и охота [Деревянко, 1975. С. 159]. Это подтверждается тем, что при раскопках шивэйских городищ на р. Шилка было обнаружено большое количество костей домашних и диких животных, а также скопления раковин беззубки [Там же. С. 121–122]. При сочетании различных отраслей хозяйство, прежде всего, зависело от тех географических и климатических условий, в которых

находились отдельные группы шивэйцев. Следует заметить, что на начальном этапе проникновения этих племен в степные просторы Восточного Забайкалья они еще сохраняли свое традиционное хозяйство – охоту и рыболовство. Затем под воздействием кочевых племен Центральной Азии и Монголии, а также изменившихся для них географических условий, начали постепенный переход к кочевому образу жизни, к скотоводству, подтверждением чего служит наличие костей барана в погребениях конца I – начала II тыс.

Л. Р. Кызласов отмечал, что монголы имеют свои термины для обозначения речных рыб, лесных животных, но употребляют тюркские заимствованные слова для злаков, степных животных и теплолюбивых насекомых – таких как скорпион, тарантул. Собственные термины для домашних животных относятся лишь к собаке, лошади и свинье, а остальной скотоводческий лексикон (для обозначения быков, овец, верблюдов, мулов) монголы полностью заимствовали у тюрков [Кызласов, 1975. С. 171].

В этническом отношении шеньмохын-шивэйцы принадлежали, по-видимому, к монголоязычным племенам и были близки по языку к киданям [Викторова, 1958. С. 54–62; Материалы..., 1964. С. 552–554; Окладников, Деревянко, 1973. С. 309; Кириллов, Рижский, 1973. С. 115].

В X в. на Дальнем Востоке, в Центральной Азии и Восточной Сибири произошли большие изменения. В это время в Маньчжурии возвысились кидани. В X–XI вв. монгольские племена входили в империю киданей Ляо, западная граница которой находилась на р. Орхон. «Что касается киданей и им подобных, то живущие на юге составляют киданей, а находящиеся на севере зовутся шивэй» [Материалы..., 1964. С. 461]. Кидани вытеснили уйгуров из Монголии и распространили свои владения на запад, включая Алтай. Территории Прибайкалья и Забайкалья также оказались затронутыми перемещениями тюрков и монголов. Близкое соседство с Байкальским регионом, естественно, способствовало проникновению отдельных элементов культуры киданей к его населению.

До последней трети XX в. было принято считать, что господствовавшие здесь на протяжении VI–IX вв. тюрки, курыканы, исчезают, а на их месте появляются монго-

лоязычные племена. Исчезает со страниц исторических хроник также имя другого племенного союза, обитавшего к востоку от Байкала – байегу (байырку), а вместо них упоминаются монголоязычные баргуты [Там же. С. 505–515]. Но и к X в. курыканы не исчезли совсем. Какая-то их часть растворилась среди местного и пришлого населения, другие ушли на север, на территорию современной Якутии, где и стали этническим ядром современных якутов.

Таким образом, можно говорить, что древние или ранние монголы жили к северу от степей, занимались преимущественно охотой и рыболовством, а также выращивали домашних свиней и лошадей. Лошадей первоначально они разводили на мясо, а затем стали использовать для верховой езды. В китайских источниках XII в., в которых монголы описываются уже как кочующие охотники и скотоводы, говорится «живут только охотой» [Кычанов, 1966. С. 269–270]. Тем не менее дописьменная история монгольских племен остается недостаточно изученной и здесь в освещении вопроса важен археологический и этнографический материал.

К началу 90-х гг. XX в., когда шел интенсивный процесс накопления археологического материала, на территории Забайкалья насчитывалось около 60 пунктов, где обнаружены и, в основном, исследованы могильники или отдельные захоронения ранних монголов. Они располагались преимущественно в лесостепных и степных районах региона, т. е. там, где издревле развивались скотоводческие культуры. Однако в отличие от погребений культуры эпохи бронзы, так называемых плиточных могил, которые обычно находятся на возвышенностях и видны издали, памятники рассматриваемого нами периода располагаются чаще всего в узких и глухих распадках, на склонах оврагов, у подножия гор или скальных выходов и сливаются с каменными осыпями, оставаясь неприметными. Такое расположение было связано, по нашему мнению, с беспокойной политической обстановкой, с возникновением и распадом в степях Центральной Азии и Монголии многочисленных, но кратковременных кочевых империй, что вело к тенденции предохранения родовых кладбищ от осквернения и разграбления враждебными племенами, считавшихся самым тяжким оскорблением для

враждующих сторон. Потому и встречаются погребения, ограбленные в древности.

Имеется и другая особенность расположения памятников этого времени: обычно они занимают только прибрежную полосу крупных рек или их притоков. Но если даже могильник и удален за пределы этой полосы, он обязательно находится в таком распадке, который имеет выход к водоему – к реке или к озеру.

Для могильников южных районов Забайкалья, располагающихся в прибрежной полосе бассейнов рек Онон и Аргунь, характерно небольшое количество погребений – не более 10–15. Здесь же встречаются и одиночные захоронения. Показательны в этом плане захоронения в 3 км на север от с. Чиндант, исследованные в 1965 г. Они располагались обособленными группами от 3 до 12 в каждой на высоком береговом мысу, изрезанном оврагами и возвышающемся на 20–25 м над уровнем р. Онон слева от одной из его протоков. Погребения курганного типа расположены на склоне самого мыса и по склонам оврагов. К средневековым относятся группы, представляющие часть могильников Чиндант I–III.

Так, выкладки погребений могильника Чиндант I состоят из горизонтально уложенных плит или кусков скальной породы, образующих возвышающиеся к центру холмики округлой или овальной в плане формы. В погребении 2 могильника Чиндант I найдены кости лошади: астрагал, ребра, часть голени. Вместе с костяком человека были найдены железный нож с рукояткой в виде полувтулки с загнутыми проковкой продольными краями, костяная (роговая) обкладка лука, обломки железных удил с остатками большого кольца, два железных кольца с подвижными обоймами и одна маленькая пряжка с остатком железной обоймы, две железные и одна бронзовая пряжки, длинный (около 70 см) и узкий (10–15 см) колчан. В нем помещались шесть железных наконечников стрел со следами древесины на черенках. Один наконечник имел костяную свистунку конусовидной формы с прорезью. С правой стороны у черепа найдены остатки двух наконечников стрел, а в ногах с правой стороны костяка – воткнутые в землю кости барана.

В погребении 4 с костяком человека плохой сохранности найдены удила, железная

пряжка и кресало, пустой берестяной колчан, по форме такой же, как и в могиле 2, но худшей сохранности, петельчатое стремя.

В могиле 6 обнаружена колода-гроб длиной 2,3 м, половинки которой были скреплены железными скобами. Костяк плохой сохранности, разбросан по колоде. Здесь найден фрагмент венчика сосуда серого цвета с орнаментом в виде круглых вдавленных-жемчужин, под которыми нанесены две глубокие параллельные линии, остатки берестяного сосуда со следами прошвы на боковой стенке и в придонной части, небольшой железный сосуд полусферической формы с дугообразной ручкой, круглое, отлитое из бронзы, зеркало с остатком отломанной ручки – на обратной зеркальной плоскости стороне оно имеет горельефно выполненный сюжет с участием людей, животных и вселенной, окруженных «райской» растительностью.

В погребении 11 обнаружена домовина в виде ящика из досок, поставленных на продольное ребро, а в ней – костяк человека в хорошем состоянии, ориентированный головой строго на восток. В погребении, кроме ножиц, лежащих у правого плеча, сопроводительный материал был представлен ребрами и лопаткой барана, которые лежали на каменной плите у северного края могилы под кладкой; в изголовье находились остатки берестяного сосуда типа туеска, у правого виска погребенного – железный нож с остатками деревянных ножен и рукоятки, у правого локтя – железный предмет, похожий на топорик, ниже него – кусок бересты, у правого виска находились серьга из медной, но посеребренной бусины, закрепленной на медной же проволоке, изогнутой в виде вопросительного знака, и остатки коррозированного наконечника стрелы, вероятно бронебойного. В изголовье справа найдена брошь из бирюзы с двумя шпеньками – пронизками для подвески. Ближе к стенке домовины обнаружена часть самшитового гребня, перекрытая бронзовым литым зеркалом диаметром 9 см, с остатком отломанной ручки. С одной плоскости оно гладкое, на другой можно увидеть горельефное изображение двух человеческих фигур и вселенной. Композиция, несомненно, связана с мифологией.

Два последних погребения из могильника Чиндант I (№ 6 и 11), как видим, отлича-

ются оригинальностью сопроводительного инвентаря – наличием кованых предметов (железные скобы), литьем из черного металла и бронзы – сосуд из погребения 6, зеркалами в обоих погребениях. На первый взгляд, эти погребения не претендуют на особо раннюю хронологическую принадлежность. Погребение 11 по зеркалу датируется нами XII–XIII вв. Несмотря на единство темы с зеркалом из могилы 11, детальное оформление и качество литья зеркала из погребения 6, которое несколько хуже, позволяет сделать вывод, что изготовлено оно было местным мастером, который, позаимствовав основной мотив у первого, утилизировал растительный орнамент и внес дополнительно фигуру оленя с всадником. Этот сюжет мог возникнуть только в лесных и лесостепных районах, где обитает подобное животное (олень), которое занимало определенное место в хозяйственном укладе общества охотников [Асеев, 1972. С. 61–62]. Это также подтверждается изображениями оленей на отлитых из бронзы предметах, найденных в погребении 2 другого могильника, расположенного в окрестностях с. Будулан Оловянинского района Читинской области.

Могильник, в котором находилось это погребение, был устроен, как и Чиндантинский могильник, на возвышавшемся на 15 м над уровнем р. Онон плато по склонам оврага. Здесь на глубине 60 см выявлен костяк человека, лежащий на спине и ориентированный головой на северо-восток. С ним найдены железные наконечники стрел, фрагменты берестяного колчана, почти круглой формы стремяна, удила с большими кольцами, костяное кольцо диаметром 5,5 см и толщиной 1,5 см, бронзовая восьмеркообразная пуговица с петельками на тыльной стороне, круглая поясная пряжка с подвижным язычком, фрагмент литой пряжки с горельефными фигурками двух оленей и ажурная пряжка с изображениями двух оленей с отлитыми заодно с ней по бокам двумя пронизками, с помощью которых она крепилась к основе, а также лопатка и мелкие кости барана.

Описанные погребальные памятники Юго-Восточного Забайкалья имеют сходство в устройстве могил, а также в погребальном обряде с захоронениями, относящимися к I – началу II тыс. н. э. Типичен для этих могил и сопроводительный инвен-

тарь – наконечники стрел, остатки берестяных колчанов, железные ножи. Однако в них почти отсутствует керамика, что составляет определенное отличие в материальной культуре племен начала I тыс. н. э. – гуннов, и последующего времени – курьякан.

Значительную в этнокультурном плане ценность представляет могильник в Заиграевском районе Бурятии, раскопки которого производились в 1973–1974 гг. Могильник находился на левом берегу р. Брянка (приток р. Уда) на восточном склоне горного отрога. Место густо поросло соснами, березой и багульником, практически он находился в лесной зоне. В могильнике насчитывалось 9 кладок из кусков скальной породы, перекрывающих погребения. Сопроводительный материал погребений несет определенную информацию как в области погребального обряда и хозяйственного быта, так и этнокультурной принадлежности средневековых жителей притаежной и таежной зоны Забайкалья.

Так, в погребении 1 находилась домовина из досок плохой сохранности, перекрытая дощатой крышкой. Погребенный был уложен вытянуто на спину головой на север. Между коленными суставами лежали большие железные ножницы, а чуть выше находились железное кольцо и железная трубочка-игольница. Очевидно, эти предметы когда-то помещались в сумку. В правом углу домовины вертикально торчала трубчатая кость ноги барана.

Погребение 8 отличалось от всех довольно мощной каменной кладкой со сторожевым камнем в северной ее половине. Семантика таких камней рассматривалась нами ранее. Одна из версий – они сооружались многими тюркскими племенами Тувы, Алтая, Монголии, были связаны с культом предков и поставлены для того, чтобы «охранять жилище мертвых...» [Асеев, 2003. С. 156]. Вторая версия – столб служил коновязью, которая у бурят и монголов называется сэргэ. Обычай устанавливать коновязи-сэргэ существовал у якутов, алтайцев, казахов. В шаманизме сэргэ имеет культовое значение. Бурятский этнограф Т. М. Михайлов сообщает: «Сэргэ имеет распространение во всем тюркско-монгольском мире. Обычно делали ее из дерева, по видимому, в некоторых местах в прошлом бытовали каменные коновязи... Почитание

сэргэ, полагаем мы, связано с древним культом коня, а происхождение его – с началом скотоводства» [Михайлов, 1980. С. 191]. В нашем случае сэргэ из камня и находится не рядом с могилой, а встроено в надмогильную кладку. Возможно, это хун-сэргэ, т. е. человек-коновязь, термин, сохранившийся у аларских бурят. Такие сторожевые камни, но небезликие, а с петроглифическими изображениями коней и антропоморфов на них обнаружены не только в Восточной Сибири, в частности в Забайкалье, но и на территории Монголии [Асеев, 2003. С. 180–181; 1984; 1985]. Погребенный здесь человек находился в колоде на спине вытянуто, головой на север. Сопроводительный инвентарь представлен костяной обкладкой лука, антропоморфной фигуркой, вырезанной из бересты – тотемом, тремя костяными и двумя сильно корродированными и «спекшимися» железными наконечниками стрел, двумя железными накладными пластинами с заклепками.

Об относительной датировке этого могильника можно судить по сопроводительному инвентарю из погребения 8. В данном случае это костяные наконечники стрел с треугольной в сечении боевой головкой и плоским черешком, аналогичные наконечникам в погребениях бурхотуйской культуры, датируемых VI–X вв. Долотовидные наконечники стрел из железа, а один такой наконечник в данном погребении имеется, известны по материалам могильника 4 на сопке Тапхар в Бурятии, датируемого X–XIII вв. [Хамзина, 1970. С. 121]. Кроме того, устройство надмогильных кладок, деревянных домовин в погребениях 1 и 8, а также домовин из бересты в иных погребениях могильника на р. Брянка находит аналогии в Сэгенутском могильнике, в котором захороненные также находились в деревянных из досок домовинах и в берестяных мешках. Обязательным в них было наличие костей барана. А. П. Окладников относил Сэгенутский могильник к первым монголам, появившимся на верхней Лене в X – начале XI в. [Окладников, 1958. С. 202]. Захоронения в берестяных мешках, выполняющих роль домовин, датируемые X–XI в., были исследованы нами в Прибайкалье [Асеев, 1980. С. 135].

Таким образом, комплекс погребений на р. Брянка в Бурятии хронологически син-

хронен Сэгенутскому могильнику таежной зоны Прибайкалья и относится к «лесным» монголам, ведущим оседлый образ жизни. Однако отличительной чертой сэгенутских погребений является наличие в них глиняной посуды. Как отмечал А. П. Окладников, сосуды из этого могильника имеют характерную деталь – выступающий далеко наружу карниз на венчике. Такие карнизники «...являются самой характерной чертой раннесредневековой керамики мохэского времени в бассейне Амура и в Приморье. Следовательно, можно рассматривать эту черту сэгенутских сосудов, как свидетельство о приходе первых монголоязычных племен на Лену не только из Забайкалья, но и из еще более отдаленных областей на востоке, расположенных в бассейне Амура, всего вероятнее по правым его притокам, начиная с Онона» [Окладников, 1959. С. 170]. Очевидно, в это же время первые монголы появились и на р. Брянка в Бурятии, оставив там могильник.

Остатки берестяной домовины были обнаружены в 1968 г. и в одном из погребений могильника в местечке Санный Мыс в лесостепной зоне Бурятии. Под остатками берестяного покрытия костяка лежали ножницы, фрагментированный железный нож, кованое железное орудие небольших размеров с рукояткой, выполненной в виде втулки, видимо, предназначенное для выкапывания съедобных растений, костяная застежка с отломанным концом. Могильник Санный Мыс вместе с другими погребениями данного комплекса датируется нами X–XII вв.

Наличие в погребениях ножниц для стрижки овец связано с хозяйственной направленностью – скотоводством и, естественно, с религиозными воззрениями. Ритуальное значение овец обуславливалось не только употреблением их мяса в быту и при молебствиях, но и шерстью, которая служила магическим средством. Шерсть приносили в жертву богам и духам, изделия из нее украшали различные культовые места и предметы, такие как жертвенники, пирамидальные насыпи из камней – *обо*, устраиваемые духам местности на перевалах и на вершинах гор (комментарий наш. – И. А.), священные деревья, рощи, тотемных животных. «Огромное значение шерсти в быту и культе должно было сделать стрижку овец, коз, а также волос лошадей (грива, хвост) важным событием в жизни кочевников, по-

родить определенные обряды, что и существовало у монголов и бурят как в далеком, так и в недавнем прошлом» [Михайлов, 1980. С. 255].

В приграничном с Монголией районе на территории Забайкалья в окрестностях пос. Наушки было исследовано погребение с кладкой, по очертаниям близкой к овалу. На глубине 75 см под кладкой находился костяк погребенного хорошей сохранности. За исключением воткнутой в изголовье кости ноги барана, находок не сделано. Наличие костей жертвенного барана в погребении – несомненное свидетельство хозяйственного уклада – скотоводства.

В этом же районе в местности Субуктуй в 15 км на восток от Усть-Кяхты в 1978 г. исследовано захоронение мужчины и женщины. Ориентировка погребенных – головой на север. С мужчиной лежали костяные накладки на лук и железный наконечник стрелы с пером типа ласточкина хвоста. Рядом с затылком воткнута трубчатая кость ноги барана. На черепе и в области грудной клетки женского костяка находились подержанные коррозии железные наконечники стрел. Необходимо также отметить, что лучевая кость правой руки женщины расколота вдоль, на ней имеется сквозное отверстие от удара чеканом или броневой наконечником стрелы. Следов заживления кости не обнаружено [Асеев и др., 1984. С. 34–36, рис. 7].

Группа погребений ранних монголов в разные годы конца прошлого столетия исследована на побережье Байкала. Одно из них, находившееся на г. Бегул в устье р. Анга (юго-западное побережье Байкала, раскопки 1974 г.), имело могильную яму глубиной 60 см, выдолбленную в довольно рыхлых скальных выходах. На ее дне лежал на спине вытянуто костяк, ориентированный головой на север. У нижней челюсти на левом плече достаточно компактной кучкой находились шесть костяных черешковых наконечников стрел (три из них с треугольной в сечении головкой, два – с ромбовидной и один с трапецевидной; черешки у всех уплощенные, вытянутые с насечками на боковых сторонах; длина наконечников от 5 до 12 см). Под наконечниками встречались чешуйки бересты – остатки колчана. Кроме того, обнаружены центральная обкладка лука, изготовленная из рога оленя, еще одна пластина обкладки лука, 2 желез-

ных ножа с остатками древесины на черенке, железный крюк для подвески колчана, а также железные удила с небольшими коваными кольцами, в разрезе прямоугольными.

Черешковые костяные наконечники стрел как с треугольными, так и с ромбовидными в сечении головками, встречаются в погребениях бурхотуйской культуры Восточного Забайкалья, которая датируется VI–X вв. Такие наконечники были найдены в Западном Забайкалье в могильнике VI (могила 7) на сопке Тапхар. А центральные накладки на лук из этого же могильника (могилы 3, 5) практически копируют центральную накладку лука из погребения на г. Бегул. Могильник на сопке Тапхар датируется Е. А. Хамзиной примерно X–XII вв. [Хамзина, 1970. С. 121–122. Табл. 4. Рис. 1, 4, 5]. Очевидно, погребение на г. Бегул можно датировать X–XII вв. Судя по отсутствию костей домашних животных, погребенный был не кочевником-скотоводом, а скорее охотником.

Дополняет разновидность погребальных памятников лесных племен Прибайкалья скальное захоронение. Оно выделяется необычностью как погребальной камеры (в нише), так и формой домовины. Ниша находилась в южной оконечности скальной гряды, окаймляющей шатровый могильник в заливе Куркут на побережье Байкала. Она куполообразной формы, естественного образования в рыхлой гранитной скале. В это естественное углубление была помещена колода-гроб из лиственницы с заостренными, как у лодки, торцами. В ней был погребен ребенок лет 7–8. Он лежал на спине вытянуто головой на восток. На правой руке и под левой голенью сохранились лоскутки кожаной одежды. В кожаной сумочке, которая со временем истлела, лежали 10 астрагалов, возможно барана, – игральные кости, кусочек ремня и окисленные остатки скобообразного кресала. В ногах помещалась полоска бересты в виде трапеции, которая была оформлена острым предметом, т. е. вырезана.

Форма погребальной домовины в виде лодки говорит сама за себя – погребенный принадлежал к роду рыболовов. Игральные кости могут свидетельствовать о том, что, ведя оседлый образ жизни, его соплеменники занимались также скотоводством. Это не противоречит такому высказыванию Т. М. Михайлова: «...археологические материалы

свидетельствуют, что основная масса прибайкальских монголов занималась скотоводством и земледелием, значительное место в их хозяйстве занимало ремесло – кузнечное дело, ткачество, обработка продуктов скотоводства» [Михайлов, 1980. С. 213]. Однако, по нашему мнению, не исключено, что астрагалы могли принадлежать и диким животным. Анализ костей их принадлежности к дикому миру или к домашнему, к сожалению, не проводился.

Как видим, в целом картина погребального обряда у раннемонгольских племен Забайкалья и Прибайкалья вырисовывается довольно четко. В описанных могильных комплексах и одиночных захоронениях погребенные покоились в разных камерах: 1) без гроба в грунтовых ямах; 2) в дощатых гробах; 3) в гробах-колодах на спине вытянуто с ориентировкой головой на север или северо-восток. Все погребения отмечены на поверхности каменными кладками курганного типа. В большинстве из них найдены кости овцы или лошади, свидетельствующие, что они не только остатки поминальной тризны, но и часть обязательного ритуала, указывающего на хозяйственную направленность населения, оставившего эти могилы. В погребальном обряде овца становится культовым животным, поскольку ее мясо используется не только как поминальный продукт, но и олицетворяет, на наш взгляд, само животное в потустороннем мире. Кроме того, во многих могилах обнаружены древесные угли или прокаленная земля. Известно, что многие народы обожествляли огонь, поклонялись ему, считая покровителем домашнего очага и преградой на пути злых духов.

Погребения детей, встречающиеся в могильниках, относящихся к рубежу I–II тыс., мало чем отличаются от погребений взрослых. Они, например в Заиграевском могильнике, имеют самостоятельные надмогильные сооружения и ту же ориентацию, что и взрослые.

Несомненный интерес в изучении истории раннемонгольских племен представляют результаты работ советско-монгольской экспедиции под руководством А. П. Окладникова непосредственно на территории Монголии. Участниками экспедиции раскопано несколько погребений, обряд захоронения которых и сопровождающий материал носят разновременный характер. К ним

относятся погребения, находившиеся в 40 км на восток от г. Чойбалсан на правом берегу р. Керулен, и погребения на р. Хоолтын-Гол. Отметим, что погребения на р. Хоолтын-Гол № 2 и 3 и впускное погребение из могильника на р. Керулен по погребальному обряду и сопроводительному инвентарю можно объединить в одну группу. Для них характерна одинаковая, головой на север, ориентировка костяков, относительно равная глубина захоронений, наличие сходных по форме каменных кладок, перекрывающих могильную яму за исключением впускного погребения [Асеев, 1975].

Впускное погребение могильника на р. Керулен на поверхности обозначено плоской выкладкой из гранитных плит, частично задернованных. Под выкладкой с южной стороны обнаружен костяк, явно нарушенный грабителями. Погребенный был ориентирован головой на север. Сопроводительный материал представлен массивным костяным наконечником стрелы с уплощенным черешком и пером удлиненной формы, ромбическим в сечении, а также железным черешковым наконечником.

Погребения с р. Хоолтын-Гол не потревожены грабителями и богаче в отношении сопроводительного инвентаря по сравнению с описанным впускным погребением. В них найдены берестяные колчаны, лежащие вдоль правой руки, содержащие однотипные железные наконечники стрел долотовидной формы, помещенные у плеча или над ним, преднамеренно направленные острием вверх. В погребении А, кроме того, найден броневой наконечник с четырехгранной головкой и круглым черешком у плечевой кости левой руки, а у стопы правой ноги лежали кольчатые удила. Но самое примечательное в рассматриваемом погребении – это наличие костей барана. Выше броневой наконечника находилась лопатка, а над ней воткнутая кость этого животного.

Таким образом, описанные погребальные комплексы и отдельные погребения как на территории Монголии, так и в Забайкалье хронологически относятся к X–XII вв., т. е. ко времени до образования империи Чингисхана. Об этом, прежде всего, свидетельствует отсутствие импортных вещей, таких как шелковые ткани, бронзовые литые зеркала в массовом количестве, за исключением двух (из погребений 6 и 11 могильника Чиндант I, где они датированы не позднее

XII в.), и др., поскольку тогда не было еще притока богатств в результате военной экспансии монгольских племен на восток и запад. Кроме того, с погребенным кладутся железные кольчатые удила, как это наблюдалось при раскопках погребений на р. Керулен в Монголии, удила и стремяна в погребении, как в погребении 2 Будуланского могильника в Восточном Забайкалье [Асеев и др., 1984. С. 46–47, рис. 10], граничащем с Маньчжурией – одним из районов расселения древних монголов [Кюннер, 1961. С. 10].

Кроме рассмотренных погребений, имеются другие археологические факты, которые говорят о том, что в период X–XII вв. группы монгольских племен из лесных охотников, рыболовов и коневодов стали кочевниками-скотоводами, вытеснили тюркских степняков, но позаимствовали у них многие формы степной материальной культуры, в том числе и передвижные жилища. Во время перекочевков эти жилища, возможно войлочные, ставили на повозки, в которые впрягали быков, что отражено на шишкинских писаницах на р. Лена [Окладников, 1959. С. 171, рис. 103]. В Прибайкалье и Забайкалье обнаружены монгольские погребения [Окладников, 1958. С. 206; Асеев, 1984. С. 37–42; 129], которые убедительно датируются XI–XII вв. От погребений хорошо изученной местной культуры они отличаются тем, что в могилу с покойником клали пищу в глиняном горшке, а также предметы, необходимые в жизни кочевника-скотовода: железные ножницы для стрижки овец, железные симметричные удила с кольчатыми псалиями, сложносоставной лук с костяными накладками и колчан со стрелами. Но нередко встречаются погребения, в которых совершенно отсутствует сопроводительный инвентарь.

Наряду с лошадьми ранние монголы разводили и мелкий рогатый скот. Как все степные кочевники, они клали в могилу баранье мясо, причем определенную часть туши: иногда крестец или стегно, втыкая при этом трубчатые кости голени животного в изголовье покойного, тем самым исполняя определенный ритуал в погребальном обряде. Отпечаток кочевого быта лежит на всем инвентаре погребений, начиная с удил, ножниц для стрижки овечьей шерсти, изготовления деревянных домовин в виде деревянных ящиков и выдолбленных из ствола

дерева колод, колчанов из бересты, а также берестяных мешков-саванов.

Однако охота продолжала занимать определенное место в хозяйственном укладе ранних монголов. Так, в китайских источниках XII в., в которых монголы описываются уже как кочующие охотники и скотоводы, сообщается: «Ловят диких оленей и питаются ими» [Кычанов, 1966. С. 269–270]. И, видимо, не случаен образ оленя, зафиксированный древним мастером-литейщиком на двух бронзовых пряжках из погребения 2 Будуланского могильника.

Характерно использование бересты – не только при захоронениях детей как саван или покрывало, но и в некоторых случаях для взрослых. Об этом свидетельствуют погребения, раскопанные Ю. Д. Талько-Грынцевичем в Дэрестуйском Култуке (Бурятия). При исследовании этих погребений он отметил, что в них «кроме березовой коры, ровно срезанной и покрывающей кругом нижнюю часть голени каждой ноги покойного, часто и под ним, следов железа с остатком одежды, ничего не находилось» [Талько-Грынцевич, 1901. С. 43]. Из приведенных примеров можно сделать вывод, что береста служила особым ритуальным материалом в погребальном обряде, выбор которого определялся, судя по детским захоронениям, непорочностью или особым статусом взрослых – членов общества, похороненных с определенными почестями. Так, Т. М. Михайлов отмечал, что почитание белого цвета связывалось с его обоготворением – он олицетворял чистое, священное, благородное. Этот древний обычай сохранялся у монгольских народов до недавнего времени [Михайлов, 1980. С. 267].

Поскольку береста – это наружная часть коры березы, т. е. ее составляющая, очевидно, и само дерево также почиталось. Ссылаясь на этнографические данные, отметим, что береза действительно занимала в религии монголоязычных народов значительное место. У бурят она, в первую очередь, использовалась при посвящении в шаманы. Кроме того, буряты березу использовали в свадебных обрядах, состязаниях в борьбе, конных скачках. Ветки березы над аилом как символ свадебного торжества используются и на Алтае.

Однако не все раннемонгольские племена этого времени вели кочевой образ. По

преданиям, зафиксированным в «Сокровенном сказании», а также по сведениям Рашид-ад-дина, они делились на две группы. Лесные звероловческие живут в стране Баргуджин-Тукум (долина р. Баргузин, впадающей в оз. Байкал) и в некоторых других местах, где были леса. Степные скотоводческие кочуют по степным и горным пастбищам от границ Китая до Алтайских гор. В то же время монгольские племена XI–XIII вв., обитавшие на землях вокруг Байкала и в Монголии, не были единым целым, говорили на разных племенных диалектах и обладали различным уровнем развития культуры. В «Сокровенном сказании» в числе других монгольских племен, обитавших в стране Баргуджин-Тукум или по соседству с ней, упоминаются хори-туматы, икиресы, бархуны и буряты [История Сибири, 1968. С. 382].

С погребенными, имеющими, видимо, особый статус, клали привозные из Китая бронзовые зеркала или их обломки, которые служили оберегами от злых духов. Привозные дорогостоящие предметы в быту и обиходе могла позволить себе зажиточная часть населения [Асеев, 1984]. Потребность в ряде предметов, которые не могли производиться на месте или производились, но неудовлетворительного качества (как зеркало из погребения 6 могильника Чиндант I), удовлетворялись путем торговли не только с различными народами Сибири, но и с государствами Средней Азии и Китаем. Скот и пушнину зажиточная часть населения, т. е. родоплеменная знать, обменивала на различного рода ткани, изделия из цветного металла (зеркало из погребения 11 могильника Чиндант I), в том числе украшения из серебра и золота. Эти факты говорят о том, что в X–XII вв. монгольский род быстро разлагался. В XII в. он представлял собой уже довольно сложную организацию, состоящую из кровных родовичей и из чужеродных групп, находящихся в непосредственной зависимости от данного рода.

Для лесных племен характерно некоторое отставание в общественном развитии по сравнению с лесостепными племенами. Однако легендарная «прародительница монголов», о которой подробно повествует «Сокровенное сказание», по-видимому, жила на рубеже X–XI вв. и была дочерью «владельца Гол-Баргучжин токумского» — района долины р. Баргузин, относящейся к

территории расселения лесных монголов. По монгольским преданиям Темучин (Чингисхан) [Бартольд, 1963. С. 56–95] также принадлежал к одному из лесных племен и вместе с братьями в молодости занимался охотой.

Включение Байкальского региона в состав Монгольской империи не повлекло за собою коренных изменений в жизни, занятиях, хозяйстве и быте «лесных» народов. Они платили дань и поставляли людей и вооружение для монгольского войска. С конца XIV в. во время феодальных междоусобиц основные события разворачивались в глубинных районах Монголии. Население северных окраин, в том числе Прибайкалья и Забайкалья, участия в них не принимало. И все больше эти регионы отмежевывались от центра. В результате территория бывшего Баргуджин-Тукума и отчасти степного и лесостепного Забайкалья оказалась за пределами крупных феодальных владений позднесредневековой Монголии. Очевидно, по этой причине в монгольских исторических хрониках и летописях XVII в. «Алтан тобчи», «Эрдэнийн тобчи» и других основных источниках позднесредневековой Монголии нет сведений о северных народах XIV–XVI вв.

Список литературы

Асеев И. В. Два бронзовых зеркала из Чиндантского могильника // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972. Ч. 1. С. 60–65.

Асеев И. В. О раннемонгольских погребениях // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975. С. 178–187.

Асеев И. В. Прибайкалье в средние века. Новосибирск, 1980. 150 с.

Асеев И. В. Семантика изображений на стеле из Сагсай-сомона и параллели // Всесоюзная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Б. Я. Владимирцова. М., 1984. С. 14–17.

Асеев И. В. Отражение некоторых аспектов шаманизма в археолого-этнографическом материале // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск, 1985. С. 161–165.

Асеев И. В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск, 2003. 206 с.

Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск, 1984. 200 с.

Бартольд В. В. «Чингизиды» // Бартольд В. В. Соч. М., 1963. Т. 2, ч. 1. 1016 с.

Бичурин Н. Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1953. Т. 3. 317 с.

Викторова Л. Л. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке в IV–XII вв. н. э. // Учен. зап. ЛГУ. 1958. № 258, вып. 7. С. 54–58.

Деревянко Е. И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск, 1975. 199 с.

История Сибири. Л., 1968. Т. 1. 540 с.

Кириллов И. И., Рижский М. И. Очерки древней истории Забайкалья. Чита, 1973. 137 с.

Кызласов Л. Р. Ранние монголы // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975. С. 170–177.

Кычанов Е. И. Чжурчжени в XI в. // Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966. Вып. 2. С. 269–281.

Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. 391 с.

Материалы по древней истории Сибири (макет I тома «История Сибири»). Улан-Удэ, 1964. 709 с.

Михайлов Т. М. Религиозные верования монголоязычных племен XI–XIV вв. Из истории бурятского шаманизма. Новосибирск, 1980. 220 с.

Окладников А. П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье (Филология и история монгольских народов). М., 1958. 206 с.

Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973. 309 с.

Окладников А. П. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959. 210 с.

Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Тр. Троицко-савско-Кяхтинского отд-ния, Приамурского отд-ния ИРГО. 1901. Т. 4, вып. 2. С. 43.

Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья. Улан-Удэ, 1970. 140 с.

Материал поступил в редколлегию 31.03.2009

I. V. Aseev

**SOME ASPECTS HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL MATERIALS
AS THE CERTIFICATES OF MOVING ON MONGOLIAN TRIBES
IN BAIKAL REGION AND MONGOLIA IN THE MIDDLE AGES**

To the present time a line of questions connected to a history of moving of the early Mongols on territory of the Baikal region and Mongolia in second half I and the beginning II thousand of our era is still insufficiently full decided. The analysis of materials from archaeological excavation of a line tombs in this region (burial fields Chindant I-III, Budulan, Segenut, on the river Bryanka, Sannyi Mys, Kurkut and others) enable to look after borders of moving here early Mongolian tribes, to establish chronology of this process, and also to characterize their main economic employment – cattle breeding and hunt.

Keywords: The Baikal region, Mongolia, Middle Ages, early Mongols, influence of Turks, archaeological objects, culture, moving, public build.